

В тот день в комнате отдыха лапша Лу Чэншаня успела остыть и разбухнуть в кашу, а Пэй Сун так и забыл объяснить, что тем самым неудачником, чья «богиня» оказалась лесбиянкой, был вовсе не он.

Среда. Плато Западной Сычуани, гора Яньлин.

Шоссе Яньлин представляло собой узкую асфальтовую ленту, серпантинном уходящую на вершину. Бесконечные слепые виражи, частые перепады высот и коварный рельеф. Как слагали в древности: «Дорога в Шу трудна, труднее взлета к небесам». Гоночные команды вовсю точили мечи и готовили технику, замерши в предвкушении.

В уезд Яньлин добрались уже зазвечеру. Ночная жизнь маленького городка дышала уютным умиротворением, разбавленным ненавязчивым гулом. Искусственного света хватало едва-едва: над уличными мангалами тускло желтели одинокие лампочки, угли раздували огромными веерами из пальмовых листьев, а на грузовых трициклах скворчали глубокие фритюрницы, где в кипящем масле плавали золотистые куриные крылышки. Городок напоминал темную мансарду, в которой бросили шипучую таблетку в стакан с водой — тихое, уютное шипение. Все торговцы сгрудились на одной-единственной улочке, а за ее пределами царил непроглядный, спящий покой.

Весь день ушел на дорогу. Механики гнали автобусы с гоночными машинами и запчастями прямо от базы команды. Маршрут высчитали до минуты: пилоты и оставшийся персонал долетели самолетом до Чэнду, где пересеклись с автобусами, перегрузились и двинулись дальше, к Яньлину.

Сычуаньский край веками считался неприступным: с севера его подпирали горы Циньлин, с востока преграждали путь Три ущелья, а на западе подступало Тибетское нагорье. Маленький уездный городок не обладал вместительными гостиницами, чтобы приютить всех прибывших. Многие механики и члены команд устраивались прямо в фурах: сгружали болиды на стоянку, стелили в крытых прицепах матрасы и укладывались спать.

Официальные заезды назначались на пятницу, а в четверг горную трассу перекрывали для ознакомительных заездов, давая пилотам возможность изучить рельеф.

В четверг спозаранку Пэй Сун с зубной щеткой в одной руке и стаканом в другой стоял в очереди позади Сян Хайнина. Взгляд его был абсолютно мутным. Все, кто ночевал в автобусах, выстроились цепочкой к единственному общему санузлу в гостинице.

Сян Хайнин почувствовал спиной странный холодок, обернулся и спросил:

— Ты в порядке?

Утреннее солнце пробивалось сквозь туман, словно само еще не проснулось. Глаза Пэй Суна фокусировались на окружающем мире медленнее, чем загружалась страница в старом «Интернет Эксплорере».

— Вроде бы... в порядке, — пробормотал он.

— Ого, — выдал Сян Хайнин, после чего вытянул шею и гаркнул в хвост очереди: — Инженер Лу! Пэй Сун с катушек съехал!

Пэй Сун тоже попытался повернуть голову, и тут же...

— А-а-а-а!!

Резкий, пронзительный прострел от шеи к плечу заставил его взвыть. Пули в него никогда не попадали, но казалось, что огнестрельное ранение ощущается именно так.

— Сука-а-а, мамочки-и-и!..

Стакан и щетка с грохотом выскользнули из пальцев на пол. Пэй Сун обеими руками вцепился в правую сторону шеи, едва не расплакавшись от дикой боли.

Лу Чэншань, стоявший в самом конце шеренги, вздохнул. Свой гостиничный санузел он уступил коллегам, которым было нужнее, потому и пришел сюда. Сунув свой стакан соседу по очереди, он подошел к Пэй Суну.

Вся очередь уставилась на страдальца. Лу Чэншань остановился подле него:

— Руки убери.

Пэй Сун сопел и шипел, но ладони опустил — толку от них все равно не было. Сян Хайнин подгреб с пола его принадлежности и с любопытством уставился на инженера:

— Чё с ним такое?

— Шею застудил или отлежал, — коротко отрезал Лу Чэншань.

— Неужели от этого может быть так больно?! — вылутился Пэй Сун. — И что делать? Я же боковое зеркало хрен увижу!

— Да если бы только зеркало, — Лу Чэншань шагнул ближе, одной рукой зафиксировал его плечо, а ладонь другой положил на висок, слегка наклоняя голову парня и оценивая зажатые мышцы. — Ты даже датчики системы антилага не разглядишь.

Зрачки Пэй Суна сжались в точки:

— И как мне тогда... А-А-А-А-АХРЕНЕТЬ, ЛУ ЧЭНШАНЬ, ТВОЮ МАТЬ!..

Большой палец Лу Чэншаня точечным, точным движением вошел в зажатый узел на стыке шеи и плеча, с силой надавил, протолкнул мышцу и круговым движением ушел назад.

Дикий, душераздирающий вопль Пэй Суна вспугнул стаю птиц с окрестных деревьев и эхом отпечатался в ущельях Сычуани. Очередь дружно ахнула и зааплодировала. Помогло ли — вопрос второй, но хватка у старшего механика оказалась без дураков железнодорожной.

Из глаз Пэй Суна ручьем брызнули слезы. Лу Чэншань не сдержал короткого смешка. От боли парень инстинктивно подался вперед, уткнувшись лбом прямо в грудь инженера. Кадык Лу Чэншаня находился буквально в двух дюймах от его уха, так что глухой бархатный смешок он услышал физически отчетливо.

Прежде чем Пэй Сун успел разразиться новой тирадой, Лу Чэншань смахнул пальцем слезинки с его щек и невозмутимо спросил:

— Вытянул жребий ночевать в фуре?

— Ну да... — прохрипел Пэй Сун.

Жуткий спазм спал, уступив место глухой ломоте. Он осторожно попытался повернуть голову — сустав двигался уже куда свободнее.

— Замри, не верти головой, — остановил его Лу Чэншань. — Поменяемся. Сегодня переберешься в мою комнату, а я лягу в кузове. После завтрака еще раз разомну тебе мышцы, к завтрашнему заезду будешь как новенький.

— А... ага, — заторможенно отозвался Пэй Сун.

Память медленно возвращала события двухминутной давности: в приступе агонии он с душевным надрывом выкрикнул «Лу Чэншань, твоя мать». Иными словами, он только что при всем составе команды отборным матом обложил главного инженера.

Интересно, его уволят в понедельник просто за то, что он переступит порог боксов с левой ноги?

Терять такую работу Пэй Сун категорически не хотел. Он уже открыл рот, собираясь принести извинения, но Лу Чэншань опередил его. Взглянув на поднятые с земли щетку и стакан в руках Сян Хайнина, инженер бросил:

— Прополоскать не забудь.

— Понял, — смиренно кивнул Пэй Сун.

Для всей команды Лу Чэншань давно стал кем-то вроде божества: соберет болид с нуля, отремонтирует любой узел, продумает тактику до мелочей. В конце концов, до того как возглавить инженеров, он шесть лет жжег резину на треках и стал одним из редчайших китайцев, взявших кубок в гонках NASCAR.

Казалось, он способен починить все что угодно: двигатель, трансмиссию, раму, выхлопную систему. Как-то раз он с помощью шиномонтажного станка наладил офисную кофеварку, которая вечно выдавала еле теплую бурдамоду. Поэтому тот факт, что шеф-инженер шаманит над затекшими шеями, в глазах команды выглядел абсолютно естественным.

Один лишь Пэй Сун испытывал странное неловкое чувство. Забегаловка выставила пластиковые столы прямо на тротуар. Пэй Сун сидел на табурете, а Лу Чэншань стоял за его спиной. Мозолистые пальцы механика методично прорабатывали спазмированные точки.

— Инженер Лу, полегче... Полегче, ай-й-й!.. Стой, больно же! Правда больно!.. Да подожди ты... Передышку, передышку дай...

Человеческий инстинкт прост: тело всегда смещается вслед за внешним давлением. Когда парикмахер тянет за прядь, втирая краску, клиент подается головой вслед за рукой, чтобы ослабить натяжение. Вот и Пэй Сун при каждом нажатии проседал туловищем все ниже. Силища у главного инженера была зверская: человек, способный в одиночку перевернуть голый каркас авто, мог одним пальцем загнать гонщика под стол.

— Пэй Сун, если ты еще немного сползешь, придется под столом доедать, — съязвил сидевший напротив Сян Хайнин. — Потерпи, завтра боевой заезд.

— Вот именно, — поддержал Чэнь Сянь. — Ты давай, верь в золотые руки инженера Лу!

— Да верю я, ё-моё, верю в эти руко-о-о-о... А-А-А-А-АЙ!

— Попробуй повернуть, — Лу Чэншань ослабил хватку и просто оставил ладонь на его плече, свысока наблюдая за парнем.

Ерошистый затылок с забавным макушечным вихром послушно качнулся влево-вправо.

— Ого... И правда отпустило.

— А я о чем говорил! — Сян Хайнин прихлопнул по столу, перекладывая зубочистку в угол рта.
— Мастерство не пропьешь!

— Угу, от этого мастерства у меня перед глазами вся жизнь прошмыгнула, причем с просадкой кадров, — проворчал Пэй Сун.

Впрочем, гулять так гулять. Все равно эхо от «Лу Чэншань, твоя мать» до сих пор гуляет по ущелью. Терять уже нечего.

— Поднимайтесь, пошли на регистрацию за аккредитациями, — сказал Лу Чэншань. — Кстати, Пэй Сун, на тестовых заездах вести тебя по радиосвязи буду я.

Пэй Сун как раз мучился сомнением, стоит ли извиниться перед шефом — все-таки статус, субординация, а тут публичная обсценная брань... Но услышав про радиосвязь, лишь молча кивнул.

Гонцику всегда нужен наставник в ушах. В ралли эту роль исполняет штурман на соседнем кресле, в кольцевых гонках — гоночный инженер. И даже на заездах по горным серпантинам пилот обязан держать связь с командным мостиком. Только инженер сидит не в салоне, а на судейском КПП у подножия.

Пэй Сун уже шел со всеми к судейской палатке, но отпустившая шея вдруг пробудила в нем студенческую совесть. Напавшее чувство справедливости заставило его затормозить.

Развернувшись, он направлялся к тротуару у кафешки, где механики сортировали ящики с инструментами, но еще на подходе услышал разговор:

— Инженер Лу, а загляните в мою поясницу, а? Как сырость на улице — хоть волком вой, сейчас вообще согнуться не могу!

— Похоже на миофасциальный синдром, — деловито отозвался Лу Чэншань. — Сдавайся врачам в клинике.

Тут же подскочил второй механик:

— Шеф, а вы Сяо Пэю акупунктуру давили? Вы и в этом шарите? Слушайте, гляньте мое правое плечо, а?

—...

—...

Что ж, глубокоуважаемый шеф-инженер оставался непререкаемым авторитетом в любой дисциплине. Пэй Сун выдохнул и спокойно пошел получать аккредитацию.

Забрав заветную карточку пилота, пора было садиться за руль и выдвигаться на заезд. Практика решала все: трасса была совершенно новой, ее профиль отсутствовал в симуляторах, и в распоряжении команды имелось всего два ознакомительных заезда.

Перед стартом инженеры устанавливали в кабинах экшн-камеры и телеметрию. Лу Чэншань забрался на пассажирское кресло болида Пэй Суна, положил на колени ноутбук и настраивал угол обзора по картинке, поступавшей на монитор. Картинка обязана быть идеальной — только так после заезда можно тщательно разобрать траектории и скорректировать настройки подвески.

— Слушай... — Пэй Сун решил выдать заготовленное извинение за давешнее хамство. — Я там утром...

— погоди, — Лу Чэншань вскинул ладонь, зафиксировал объектив камеры и натянул гарнитуру. — Сперва радиоканал проверим.

— А, давай, — Пэй Сун зажал клавишу гарнитуры на руле. В динамиках шлема раздался короткий писк.

Лу Чэншань выкрутил шумоподавление на максимум и жестом приказал говорить. Из-за активного глушения звуков он видел лишь, как гонщик шевелит губами, но в гарнитуре стояла тишина.

— Глухо, — Лу Чэншань сдернул наушники на шею и быстро застучал по клавишам ноутбука. — Повтори.

Картина не изменилась: Пэй Сун говорил в пустоту, а Лу Чэншань вещал в немой эфир. Впрочем, Пэй Суна это ничуть не беспокоило:

— Инженер Лу починит?

Его шеф-инженер на секунду задумался, а затем просто поднес руку и дважды стукнул согнутым пальцем по композитному куполу шлема.

Тук-тук.

Пэй Сун застыл:

—...

— Скажи что-нибудь, — потребовал Лу Чэншань.

— Моя голова тебе что, арбуз?

— Работает, — невозмутимо подытожил инженер.

<http://bllate.org/book/20414/2106243>